

Е.Н. Василенко (Могилев, Беларусь)

О РЕЧЕВЫХ ЖАНРАХ И ДИСКУРСЕ

Статья посвящена описанию и систематизации различных подходов к трактовке речевых жанров. Рассматривается соотношение речевых жанров и дискурса.

The article is devoted to description and systematization of different ways of studying speech genres and their relation to discourse as a linguistic phenomenon.

В настоящее время понятие жанра используется в дискурсивных исследованиях достаточно широко. Практическое владение набором основных речевых жанров считается существенным аспектом речевой компетенции. В.И. Карасик утверждает, что «владение речевым жанром есть одна из статусных характеристик личности» [10, с. 134].

В рамках современных исследований В.В. Дементьев выделяет три основные группы концепций жанра:

- 1) концепции, опирающиеся на классическое определение жанра (восходящее к Аристотелю и Н. Буало);
- 2) работы, посвященные описанию отдельных аспектов жанровой организации речи;
- 3) исследования, опирающиеся на концепцию речевых жанров М.М. Бахтина [5].

Мы остановимся подробно на последнем подходе, так как в его рамках представляется возможным выстроить целостную концепцию описания природы речевых жанров.

Понятие жанра первоначально использовалось в литературоведении для различения видов литературных произведений. М.М. Бахтин предложил более широкое понимание речевых жанров как относительно устойчивых типов высказываний [2, с. 250]. К определяющим признакам речевого жанра, по мнению исследователя, относится, в первую очередь, его диалогичность, так как жанр речи – это не отдельное высказывание, а необходимый элемент в структуре диалога [2, с. 263–264].

Выработанное М.М. Бахтиным определение речевого жанра получило дальнейшее осмысление в современной теории речевых жанров, в которой сегодня с известной долей условности можно выделить два основных подхода: генристику и прагматическое направление.

В рамках генристики (по классификации В.В. Деметьева) речевой жанр рассматривается как аналог речевого акта (см. [9; 15] и др.).

М.М. Бахтин пишет, что вторичные (сложные, идеологические) речевые жанры (романы, драмы, научные исследования, большие публицистические жанры и пр.) «в процессе своего формирования [...] вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [2, с. 252]. Именно это утверждение позволило ряду лингвистов отметить несомненное сходство между первичными речевыми жанрами М.М. Бахтина и речевыми актами.

Например, А. Вежбицкая, не отрицая, что при некоторых обстоятельствах разграничение терминов *речевой жанр*, *речевое событие* и *речевой акт* может быть полезным, считает необходимым подчеркнуть, что на определенном уровне сложные речевые образования стоит рассматривать так же, как простые речевые акты. Используя термин *речевой жанр* в бахтиновском смысле как обобщающий, исследовательница отмечает, что, несмотря на огромное разнообразие речевых жанров, отличающихся по функции, структуре и, прежде всего, длине, у них, по сути, одна лингвистическая природа, и им нужна единая дескриптивная основа [21, с. 149].

Вопрос о разграничении речевых актов и речевых жанров пока не получил однозначного решения. Как отмечает М.Н. Кожина, общим в данных теориях является следующее: смена коммуникативных ролей, рассмотрение интенциональной структуры речевого произведения и контекста употребления.

Кроме того, и речевой акт, и речевой жанр претендуют на статус минимальной значимой единицы общения (дискурса). Однако, как справедливо отмечает исследовательница, между речевым актом и речевым жанром есть существенное различие: речевой акт – это «отдельная реплика в диалоге, наделенная определенной иллокутивной силой и вызывающая, предполагающая определенный перлокутивный эффект [...] это элементарная единица речи», а речевой жанр – это всегда взаимодействие, «более развернутое и сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов» [12, с. 58–59].

На различия речевых актов и речевых жанров обращают внимание и другие лингвисты (В.В. Дементьев, К.А. Долинин, Т.В. Шмелева и др.). Например, по мнению Т.В. Шмелевой, главное различие состоит в том, что «теория речевых актов обращена к сфере действий, тогда как учение о речевом жанре – к сфере текстов, высказываний как результатов действий» [14, с. 93]. На эту же особенность речевых жанров указывает и М.Ю. Федосюк [13].

Многие лингвисты (А. Вежбицкая, Е.А. Земская, О.Б. Сиротинина, М.Ю. Федосюк и др.) обращают внимание на размер речевых актов и речевых жанров. Так, по мнению Е.А. Земской, «жанры речи – более крупные единицы, чем речевые акты. Они характеризуются более сложным строением, могут включать несколько иллокутивных сил. Каждый жанр имеет определенную композицию и тематическое строение» [8, с. 42–43].

Таким образом, сведение речевого жанра исключительно к речевому акту не представляется возможным. Его основными отличиями можно считать диалогичность, более сложную структуру и более крупный размер, а также обращенность речевого жанра к сфере текстов как результатов действий. В целом, данный подход не учитывает прагматическую направленность и контекстуальную обусловленность речевого жанра.

В рамках прагматического направления речевой жанр трактуется как интерактивная модель.

Сторонники данного направления (Н.Д. Арутюнова, К.Ф. Седов, M. Halloran, C.R. Miller и др.) особое внимание уделяют факторам реальной коммуникации. Речевые жанры понимаются как составляющие дискурса и являются неотъемлемой частью большинства ситуационных моделей, описывающих социальное взаимодействие. Таким образом, коммуникативная сфера является решающей для определения речевого жанра. На большое значение социального контекста для определения речевого жанра указывают многие исследователи (см. [18; 20] и др.).

Нужно отметить, что исчерпывающей классификации жанров не существует, так как объектом специальных исследований становились, в основном, только отдельные речевые жанры. Таким образом, вопрос о способе описания и классификации речевых жанров остается открытым (подробнее см. [11]). Справедливо отмечая, что «в реальной жизни названные жанры редко бывают представлены в чистом виде», Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что «они различны

по своим целям – прямым и косвенным, степени запрограммированности ответных реакций, распределению ролей и коммуникативных интересов, “правовому кодексу”, протяженности, интенциональным состояниям собеседников, условиям успешности, по модальным характеристикам» [1, с. 650].

У исследователей не вызывает сомнений тот факт, что количество и виды жанров могут варьироваться в зависимости от культур, исторических эпох, социальных условий и т.п. (см. [19; 20] и др.), однако среди представителей данного направления до настоящего времени нет единого мнения о дефиниции речевого жанра.

Для примера можно привести следующие определения: «устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы не высказываний, а текстов» [13, с. 67], «специфическая форма культуры» [3, с. 102], «средство формализации социального взаимодействия» [6, с. 30-31]. Ст. Гайда предлагает два значения термина: 1) «культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; образец текста»; 2) «совокупность текстов, в которых определенный образец является актуализированным, реализованным» [4, с. 104].

С. Левинсон под речевыми жанрами (или, по его классификации, типами деятельности – «activity types») понимает условные образцы для коммуникативного решения социальных проблем [18]. Той же точки зрения придерживаются Г.Е. Лаурбах и А. Фетцер [17]. Сходное определение находим у Дж. Харрелла, который полагает, что риторические жанры являются результатом организационных принципов, обнаруживаемых в повторяющихся ситуациях, порождающих дискурс [16, с. 263-264].

Таким образом, во всех представленных выше определениях так или иначе фигурирует понятие образца или модели. Принимая во внимание, что в организации коммуникации роль непосредственно языкового компонента сложно переоценить, наиболее правомерным мы считаем определение речевого жанра, предложенное В.В. Дементьевым и К.Ф. Седовым: речевой жанр – «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [7, с. 11]. В таком толковании речевой жанр представляет собой модель речевого поведения и привносит в дискурс необходимую в каждом конкретном случае степень организованности, упорядоченности. Вследствие этого дискурс и речевой жанр находятся между собой в родо-видовых отношениях.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин ; сост. С.Г. Бочаров. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
3. Вежицка, А. Речевые жанры / А. Вежицка // Жанры речи : сб. науч. ст. ; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 99–111.

4. Гайда, Ст. Проблемы жанра / Ст. Гайда // *Функциональная стилистика : теория стилей и их языковая реализация: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; под ред. М.Н. Кожина.* – Пермь, 1986. – С. 22–28.
5. Дементьев, В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике / В.В. Дементьев // *Вопросы языкознания.* – 1997. – № 1. – С. 109–121.
6. Дементьев, В.В. Коммуникативная генеристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия / В.В. Дементьев // *Жанры речи : сб. науч. статей ; под ред. В.Е. Гольдина.* – Саратов, 2002. – Вып. 3. – С. 18–40.
7. Дементьев, В.В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров : учеб. пособие / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов. – Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1998. – 107 с.
8. Земская, Е.А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – Москва : Наука, 1981. – 276 с.
9. Зотеева, Т.С. О некоторых компонентах жанра просьбы / Т.С. Зотеева // *Жанры речи : сб. науч. статей ; под ред. В.Е. Гольдина.* – Саратов, 2002. – Вып. 3. – С. 268–272.
10. Каряник, В.И. Язык социального статуса / В.И. Каряник. – Москва : Гнозис, 2002. – 333 с.
11. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // *Вопросы языкознания.* – 2009. – № 2. – С. 3–21.
12. Кожина, М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) / М.Н. Кожина // *Жанры речи : сб. науч. статей ; под ред. В.Е. Гольдина.* – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 52–61.
13. Федосюк, М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М.Ю. Федосюк // *Жанры речи : сб. науч. статей ; под ред. В.Е. Гольдина.* – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 66–88.
14. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // *Жанры речи : сб. науч. ст. ; под ред. В.Е. Гольдина.* – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.
15. Ярмаркина, Г.М. Жанр просьбы в неофициальном общении: риторический аспект / Г.М. Ярмаркина // *Жанры речи : сб. науч. ст. ; под ред. В.Е. Гольдина.* – Саратов, 2002. – Вып. 3. – С. 262–268.
16. Harrell, J. On rhetorical genre: an organizing perspective / J. Harrell, W.A. Linkugel // *Philosophy and Rhetoric.* – 1978. – № 11. – P. 262–281.
17. Lauerbach, G.E. Political discourse in the media : cross-cultural perspectives / G.E. Lauerbach, A. Fetzer // *Political discourse in the media : cross-cultural perspectives / ed. A. Fetzer, G.E. Lauerbach.* – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. – 2007. – P. 3–28.
18. Levinson, S.C. Activity types and language / S.C. Levinson // *Linguistics.* – 1979. – № 17. – P. 365–399.
19. Luckmann, T. Grundformen der gesellschaftlichen Vermittlung des Wissens : Kommunikative Gattungen / T. Luckmann // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie.* – 1986. – Sonderheft 27. – S. 191–211.
20. Miller, C.R. Genre as social action / C.R. Miller // *Quarterly Journal of Speech.* – 1984. – № 70. – P. 151–167.
21. Wierzbicka, A. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction / A. Wierzbicka. – 2nd ed. – Berlin : Walter de Gruyter, 2003. – 502 p.